

свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

* * *

Мы у зимы в плену волшебноснежном.

Поют дрова, тень от огня дрожит.
Бульдозер целину заносов режет,
Что твой клубнично-сливочный бисквит.

На десять вёрст спасенье – старый дизель,
Главней его в округе нынче нет.
Пахал в колхозе, пил соляру в кризис,
На пенсию пора, но валит снег!

В сторожке из запасов – только мята,
Пургою мир закрыт на карантин.
Опять спешит железный рыцарь-трактор,
На сотню переплавленных – один.
Стучит металл, блестят на солнце латы,
Ворчит, дымит, старается движок.
А мы сильнее орудуем лопатой
И грузим вещи в новенький Пежо.

*Сергей Воробьев,
Тверь*

* * *

Сыплет снег молитвы, мантры, руны
Всем укрытым вечностью богам,
Словно в мире больше никому мы
Не нужны – лишь этим вот снегам,

Что ложатся шёпотом сакральным,
Маской на тяжёлый лик земли.
Как во сне бесцветном,
сюрреальном,
Вьюги нам улыбки замели.

Полунезнакомые знакомцы,
Ждём: лишь маска белая спадёт –
Мы друг другу снова улыбнёмся,
Рук коснёмся, в прежнее вернёмся.
Скоро-скоро.
Только снег сойдёт.

*Игорь Столяров,
Нелидово*

Новый год для «Западного форпоста» начался с нерядового события. 6 января на интернет-радиостанции Радио «Вместе» в рамках авторской передачи поэта из Атланты Алёны Кофман прозвучал двухчасовой концерт «По следам поющих муз». Он был составлен из песен на стихи авторов, которые были гостями авторской передачи Алёны «О чём сегодня шепчут музы» в минувшем 2020-м. Эта программа выходит на волнах Радио «Вместе» каждую среду в 21:00 по московскому времени. Одним из первых прошлогодних её гостей был нелидовский поэт Игорь Столяров, который 8 января 2020 года в течение часа отвечал на вопросы ведущей, рассказывал о творчестве и читал свои стихи в прямом эфире (его запись доступна для прослушивания в архиве передач). В ходе того эфира прозвучали две песни на его стихи. И вот теперь одна из этих песен, «Февраль» в исполнении певца

и композитора Николая Шершня, открыла итоговый концерт произведений, наиболее любившихся радиослушателям.

Вещание Радио «Вместе», которое ведётся из Праги, благодаря Интернету охватывает все пять континентов, не менее широка и география русскоязычных поэтов, участвующих в программе Алёны Кофман. Участие в ней автора «Форпоста» стало возможным благодаря содействию друзей-поэтов. Поэт и бард, сооснователь творческого дуэта «Остров» Сергей Леонтьев, предложил ведущей провести в рамках передачи радиозферы с несколькими авторами, в числе которых был и нелидовский стихотворец. Хочется поблагодарить дуэт «Остров» и Алёну Кофман за эту возможность и пожелать всем пишущим, читающим и поющим успешного и творческого 2021 года!

Игорь Годенков,
г. Торопец – г.Макаров

Игорь Годенков родился 23 февраля 1959 года в г. Торопец Тверской области, умер 10 мая 2018 года на Украине, г. Макаров Киевской области.

Проживал п.Октябрьский Торопецкого района (в/часть), окончил Октябрьскую восьмилетнюю школу и 9-10 класс Старо-Торопской средней школы Западнодвинского района. Учился в Ленинградском военно-механическом институте, служил в армии, где впервые в газете «На боевом посту» Московского военного округа были опубликованы его патриотические стихи. В 1983 году женился и проживал с семьей под Киевом. Окончил Киевский университет имени Т.Г. Шевченко, став преподавателем русского языка и литературы. Работал военным руководителем, учителем русского языка, директором школы.

«Двадцать лет – вдали от родных мест. Нечастые, недолгие приезды домой – отогреться сердцем, напиться живой воды от родных истоков, набраться сил для дальнейшего пути по жизни», – напишет он.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Родина! Эти стихи для тебя
Были написаны в даях далёких –
Памятью сердца рождённые строки
О твоих звонких весёлых полях...
В грусти минуты, печали мгновенья
Как утешенье являлась мне ты
Островом тихим сквозь шум суеты,

Милая Родина, светлые дали...
Твёрдость давала и веру в себя,
Напоминала про Честь и отвагу,
Была со мной в каждом сделанном шаге
Родина, веря в меня и любя...
Прашуров силу давали Истоки,
Корни родные живили меня...
Родина! Эти стихи для тебя
Были написаны в даях далёких!..
1 февраля 2000 г.

ТАМ – ЗА ЛЕСАМИ...

Там – за лесами, туманами,
Там – за полями, курганами,
Даями, рельсами, шпалами
Спит деревенька моя...
Звезды там светят высокие,
Дремлет туман над осокою,
Тишь обвила поволокою
Эти родные края...
Родина, родина милая,
Сосны, березоньки с ивами -
И беззаботно-счастливые
Юной надежды года...
Там – часть души моей спрятана!
Пахнет там мятой и ладаном,
Там, за забором залатанным
Счастье мое и вина...
...Там – за лесами, туманами,
Там – за полями, курганами,
Даями, рельсами, шпалами
Детства живая вода...
19 – 24 мая 1998 г.

АХ, ТОРОПА...

Ах, Торопа, ты разве торопишься,
Величаво так воды неся?
На тебя и не хочешь – засмотришься
Так, что глаз отвести и нельзя!
Ты так важно, степенно, уверенно
Всей земле нашей даришь красу,
Старорусской боярыней медленно
По полям расплетаешь косу...
Глубина твоих глаз – не измерена,
И прозрачней алмазов они,
А ресницы прибрежною зеленью
Тень бросают почти что в зенит...
Как приветно уста усмеваются,
Что извечные песни поют –
В них любовь никогда не кончается,
В них века и народы живут...
Ты нам Богом, Торопа, завещана,
Ты торопишься к нашим сердцам –
Неизбывная, вечная, вещая,
дорога души нашей в Храм...
1998 г.

ДЕТСТВО

Когда прогнёт груз жизни ровность
плеч
И высечет резцом в лице морщины,
Неторопливо-мудрой станет речь,
Недосягаема обыденной рутинной;
Когда сугробом снежным заблестят
У глаз поблекших, поредевши,
пряди,
Духовно-зорок станет тихий взгляд,
И отразится список лет во взгляде –
Тогда всё чаще будем вспоминать
Мы наше детство, где ещё в Дорогу
Не провожали нас ни Бог, ни мать –
А мы не знали, как молиться Богу...
17-18 марта 2000 г.

* * *

Нет, не забывается
Светлое, хорошее
Жизнь же не ломается,
Не крошится в крошево.
Путь, он не кончается
Взятыми высотами –
Только вспоминается
Та река с истоками,
Что давала силы нам
В жизнь начать движение,
Чтоб прийти когда-то в Храм –
В Вечность – из мгновения.
Только... вспоминается,
Сколько бы ни пройдено,
То, где начинался он –
Путь –
то место – Родина...

МАТЕРИ

Спой мне песню, хорошая,
Спой мне песню, родная,
Про мой дом, запорошенный
Февралём, а не маем!
Про снега индевелые
На крыльце деревянном,
Про сугробы дебелие,

Достающие ставни,
Про забор покосившийся
И садок одичалый,
Про закат, опустившийся
На овин обветшалый,
Про берёзки, уставшие
Ждать моё возвращенье,
И про слёзы, упавшие
В пустоту запустенья...
Наст ломая на крошево,
Бродят волчьи стаи...
Спой мне песню, хорошая!
Спой мне песню, родная...
9 декабря 1999 г.

БЕЛЫЙ ГУСЬ

Этой ночью Варваре приснился гусь. Самый обыкновенный гусь. Однако он был невероятно белоснежный, с красным широким клювом... и говорил. Что говорил, она не помнила, но в диалог с ним вступала и даже кормила его чупа-чупсом. Кто-то рядом остерегал: мол, гуси конфеты не едят. Но Варварин гусак с удовольствием хрустел лакомством, и она чувствовала, что птица рада угощению. Проснувшись Варвара с улыбкой на лице и слегка удивляясь: надо же, с гусями стала разговаривать! Наверное, оттого, что больше не с кем... И нахлынули печальные мысли. Варя жила одна в поселковом коттедже, который построил её покойный муж. Раньше, открыв поутру глаза, она любила рассматривать сосновые дощечки на потолке. Нагретые ранним солнцем, они, казалось, источали тонкий лесной запах, вдалеке орал петух, будя всех своим надрывным приветствием, со двора раздавался стук топора. Хозяйственный муж уже чем-то был занят. Ни минутки не сидел без дела, и Варя иной раз, подойдя тихонько сзади, любовалась, как под тугой смуглой кожей его спины ходят мускулы... От этого сладко замирало где-то в животе. И она боялась вздохнуть, не хотела, чтобы он, обернувшись, увидел выражение её лица и глаз. Почему-то стеснялась своих тайных желаний...

Варвара зарылась головой в подушку и неслышно заплакала, давась солёными слезами. Вставать не хотелось. Незачем. Однако кошка Буся думала иначе: мыши мышами, но хозяйке пора позаботиться и о более разнообразном меню. Вскочив Варя на спину, она потёрлась головой о её затылок и замурлыкала так нежно и призывно, что Варины слёзы высохли. Выпростав руку из-под одеяла, она притянула гибкое кошачье тельце к себе... Ну всё! Встаю – и за дела!

Огород отнимал много сил, зато

у Варвары на зависть всем соседям всё росло и поспевало, как на дрожжах. Одной не съесть, поэтому по воскресеньям она отправлялась на рынок в районный центр. Везла (сколько могла унести) рейсовым автобусом огурцы, помидоры, кабачки, яблоки, груши, цветы и ягоды. Словом, что созревало к сезону, то и продавала. За три дня до поездки ей вдруг пришла в голову мысль: а не купить ли мне гусей?! (Не выходил у неё из головы тот белый роскошный гусь!). После смерти мужа она не держала живность. Одной управляться со всем хозяйством было тяжело, да и радости она уже в этом не видела. А первое время даже боялась заходить на скотный двор, ей чудилось, что вот-вот за дверью послышатся шаги и войдёт её Егор с охапкой сена, посмотрит своими васильковыми глазами, усмехнётся ласково, будто погладит... С тех пор прошло пять лет.

...К воскресному автобусу Варвара свою поклажу едва дотащила. Молодой чубатый водитель даже глянул насмешливо: во, тётка нагрузилась! Однако помог ей втащить в салон корзину с клубникой. Ну, поехали!

Рынок уже вовсю гудел голосами, смехом, весёлыми возгласами. Варя заняла своё привычное место, разложила товар. Стали подходить первые покупатели... Когда очередь схлынула, она заметила мужика, который расхаживал мимо неё с гусем под мышкой. Варя замерла: гусь был большой, ослепительно-белый, с алым клювом и здоровым набалдашником над ним. Изредка птица раскрывала клюв и, казалось, хотела что-то сказать хозяину, уж очень выразительное га-а-а! га-а-а! выходило.

«Нет, это судьба», – промелькнуло в Вариной голове. – «Я куплю этого гусака!». Тем более, мужик с гусем из поля зрения так и не исчезал. Будто нарочно – мимо и мимо, да ещё поглядывал из-под кепки серыми быстрыми глазами...

Варя поправила на висках каштановые кудряшки, мельком взглянула на себя в зеркальце и удивилась:

Светлана Виноградова,
г. Нелидово

чего это я прихорашиваюсь? Вышла из-за прилавка и решительным шагом двинулась к цели. А мужик словно ждал её, повернулся и... оказался очень даже симпатичным мужчиной средних лет. Гуся он отдал Варя даром. Спросил, откуда она. О себе не сказал ничего, сел в машину и уехал.

Через неделю, когда гусак Гера вполне освоился на новом месте и подружился с хозяйкой (а она уже подумывала прикупить ему подружку), у Вариного дома остановился вишнёвый фольксваген. У Вари почему-то дрогнуло сердце, она вышла на крыльцо и лоб в лоб столкнулась с приезжим. Его глаза оказались так близко, что Варвара невольно утонула в них, как в туманном омуте. Очнувшись оттого, что сероглазый пришелец весело спросил: «Ну, как тут мой друг поживает?»

...К осени по Вариному двору разгуливало целое гусиное семейство: гордый белый гусак, пышная серокрылая гусыня и выводок пищащих детишек.

Варя сидела рядом с мужем на крыльце. И была окончательно и бесповоротно счастлива.

Гитлер капут!

Светлана Тимофеева,
г. Западная Двина

Внимание: конкурс!

Вася пил уже трое суток...

Случилось самое страшное, что могло случиться в его жизни: его уволили с работы. И это в тот самый момент, когда у него числилась непогашенная ипотека за трёхкомнатную квартиру, жена сидела в декрете с двумя детьми, да ещё мозги чистила тёща, жившая в деревне. Тёща, зараза, была продвинутая: включала Скайп и пилила Василия за все его недостатки и промахи, пока он что-то делал в квартире – прибывал полочки, подкручивал гаечки, шурупчики, подогревал бутылочку со смесью младшему ребёнку, менял ему памперс. Конечно, он её слушал вполуха, потому что ровным счётом ничего не терял от этого – обучение уму-разуму проходило почти ежедневно. Вплоть до дня увольнения.

В тот злосчастный день всё шло наперекосяк: импортные станки в цехе барахлили, не подчиняясь русскому мату, начальство доставало вызовами на ковёр, план горел. Втыки и выговора помогали слабо, решено было вызывать забугорных специалистов немедленно.

– Делали бы такие дома у нас, не

надо было бы из-за границы спецов звать! Сильно нежные у них механизмы! – сердился Фомич, старый рабочий, отдавший заводу четыре десятка трудовых лет.

– Ладно, Фомич, приедут – наладят, сами не полезем, ещё сломаем там чего! – успокоил его Вася.

Но заграничные специалисты не торопились с приездом, а начальство жало: план, план! Тогда Вася, Фомич и ещё двое наладчиков взяли схемы и принялись разбираться в них. Разбирательство шло туго, поэтому приходилось оставаться сверхурочно и даже ночью работали, невзирая на недовольство своих домочадцев. Васиной тёще некого было пилить по Скайпу, поэтому она примчалась в гости к дочке выяснить, в чём дело. Оксана, жена Василия, объяснила ей, что муж работает аврально на заводе, а вовсе ни у какой он не бабы.

Работа местных умельцев продолжалась до тех пор, пока станки не заработали так, как надо! Руководство на радостях обещало выписать премию. И тут прибыли немецкие специалисты...

Немцы, обойдя цех и осмотрев свои станки, с недоумением начали пожимать плечами и что-то громко обсуждать. Выяснилось, что схемы, изложенные в инструкции, не совпадают с «начинкой». Оказалось, Василий сотоварищи залезли в чипованные схемы и перепаяли их так, чтобы было проще их эксплуатировать. Немцы были в шоке!

– Дас ист фантастиш! – щёлкал языком толстый немец-инженер, глядя, как уверенно управляют рабочие станками с перепаянными схемами.

– Найн, это не может быть! – вторил ему очкастый, немного лучше говоривший по-русски.

Руководство завода не понимало, плохо это или хорошо, поэтому на всякий случай стояло подальше, в сторонке, и молча наблюдало за происходящим. Но немцы были в восхищении от увиденного, они весело хлопывали Василия по плечу и жестами показывали, как это здо-

рово. Начальство, видя такое дело, уже смелее подошло ближе. Немцы раздухарились и, невиданное дело, решили устроить банкет в честь русских инженеров-умельцев. Банкет заказали в местном ресторане. Условие было одно: работники завода должны были прийти туда с жёнами и мужьями.

Василий впервые обрадовался приезду тёщи: можно было выйти с женой в свет, а то засиделась дома, погрязла в рутине повседневных дел. Тёща заартачилась было, мол, домой надо, там муж один с хозяйством управляется, но Вася уговорил её, пообещав приехать весной и накрыть крышу дома железом, как она хотела. Оксана бросилась в парикмахерскую делать причёску, а Василий стал просматривать свой гардероб. Надеть решил тёмно-синий костюм, в тон сиреневому платью Оксаны, которое она выбрала.

В назначенное время в ресторане, носившем громкое название «Победа», собралась нарядная публика в предвкушении хорошего вечера, сытного ужина и интересного общения.

Право первому произнести тост предоставили главе немецкой делегации, очкастому Генриху.

– Я хотел произносить тост за бригадир Фомьич, Базиль и его друзья! Мы удивлён вашим талантом, это фантастиш! Как вам удалось сделать этот чудо?

Польщённый званием бригадира, Фомич крикнул:

– Ну, дык, мы ж тут сто лет работаем, понимаем кой-чего!

Все засмеялись, дружно чокнулись и выпили по первой. После этого общение стало проще и непринуждённой. После второй рюмки немцы сразу как-то обмякли, разговорились, а уж после третьей и последующих уже лезли обниматься к русским друзьям и запросто лапали их жён. Кое-кто из заводских уже начинал кипеть в душе, но держались. Последнюю каплю в чашу терпения добавил очкарик Генрих. Пока все танцевали, он подсел к Василию и решил выпытать у него секрет но-

* * *

«Всё. Отгулял», — дверью хлопнул и вышел.

Ключья метели вчерашней на крыше,
Словно заплаты на ветхой шубейке,
Смутно белеют. У старой скамейки
Вдруг задержался. Настигла
усталость?
Хватит. Поцарствовал. Малость
осталось
Нам потерпеть высокосные страсти.
Году-юницу троекратное «здрасьте!»
С боем курантов, как водится,
крикнем.
Будет добрей он? А, ладно,
привыкнем.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

* * *

Не ждем мы сказочных чудес,
В них сомневаются и внуки.
Виновен в этом наш прогресс
И достижения науки.
Не верим в эльфов и чертей,
И даже в юных Златовласок,
Но убедить нельзя детей,
Что Дед Мороз из тех же сказок.
Что ровно в полночь в Новый год
Под ель кладёт подарки мама...
Им Новый Год их принесёт,
Он настоящий, самый-самый!
И отводя свой хитрый взгляд,
Мой внук письмо кладет под ёлку.
Он вновь обманываться рад,
Разубеждать его – без толку.

*Любовь Егорова,
Осташков*

Предсказуемо?

Смех да и только: жизнь полна
сюрпризов.
Смотрю вокруг сквозь призму
бытия.
Порой погода по весне капризна...
И на неё смотрю с усмешкой я.

Не жду чудес, не теплится надежда.
Всё предсказуемо и скучно.
Вот беда...
Случается лишь то, что неизбежно.
Чего не писано – не будет никогда.

А живность верит, что случится чудо,
Что всё и вся – по росчерку пера.
...Я убеждать в обратном их не буду.
А вдруг и впрямь не сыграна игра?

*Юлия Рыжова
п. Бологово,
Андреапольский район*

вой схемы станков.

– Не, не! – мотал головой Вася, –
это секрет фирмы!

Честно говоря, он и не помнил
уже, что они там напаяли, заработа-
ло – и ладно! Немец наседавал, злился,
и, не добившись от Васи ничего вра-
зумительного, обозвал его русской
свиньёй, потеряв всякое терпение и
приличие. Такого стерпеть Вася уже
не смог! Недолго думая, он сунул ку-
лак в морду немцу, и тут началось!
Красный от злости Генрих, потеряв
битые очки, схватил Васю за груд-
ки, и они повалились на пол. Фомич
с криком «наших бьют!» бросился
на подмогу. Женщины завизжали и
тоже встряли в драку.

Василий мутузил немца, сидя на
нём верхом. Оксана пыталась раста-
щить их, но ей мешал другой не-
мец, толстый Вальтер. Он пытался
оттянуть её, ухватившись за подол
её роскошного сиреневого платья.
Платье треснуло по шву, на его беду,
потому что Вася тут же оставил Ген-
риха другим, а сам полностью пере-
ключился на Вальтера. Он повалил
его на усеянный битым стеклом пол
и принялся бить. Немец трепыхал-
ся в его сильных руках, как рыбина
в сетке. Оксана, красная и злая от
обиды, схватила со стола бутылку
Мартини и вылила немцу в штаны.
В это время хозяин ресторана вы-
зывал полицию. Не участвовали в
драке только руководители завода,
они стояли в сторонке и ожидали,
чем закончится дело, естественно, в
душе болея за своих.

Между тем, немцы были поверже-
ны полностью. Фомич восторженно
кричал: «Ага, получили? Били вас
с сорок первого по сорок пятый, и
сейчас поколотим! Победа будет за
нами!» Вася, сидя на брюхе толсто-
го немца, давил ему горло руками и
требовал:

– А ну, говори «Гитлер капут»,
иначе придушу!

Тот мотал головой и блекотал
что-то нечленораздельное. В этот
момент раздался звук полицейской
сирены, и руководство завода спеш-
но покинуло «поле боя». Приехав-
ший наряд никак не мог расцепить
драчунов. Ресторан представлял
собой плачевное зрелище: перевер-
нутая вверх тормашками мебель,

битое стекло на полу, кровь и раз-
литые напитки вперемешку с едой.
Обслуга ресторана столпилась у
барной стойки и наблюдала за про-
исходящим, надо сказать, с удоволь-
ствием: давненько в их «Победе» не
было такого.

В отделение полиции забрали
всех, кто оставался в ресторане.
Женщин допросили и отпустили,
немцев – тоже, во избежание меж-
дународного скандала. А вот Вася с
коллегами загремел за хулиганство
на пятнадцать суток.

Пока дебоширы отсиживали по-
ложенное время, скандал с немцами
руководство завода замяло, подсла-
стив горечь их поражения дорогими
подарками и извинениями. Особен-
но возмущался толстый Вальтер
за «Гитлер капут!». Он долго объ-
яснял директору завода, что дети
и внуки не виноваты в том, что их
отцы и деды когда-то воевали про-
тив Советского Союза, что он очень
оскорблён тем, что ему напомнили о
Гитлере. А у Генриха, как оказалось,
дед был вообще антифашистом, ему
было вдвойне обидно, но он согла-
сен был извиниться перед Базилем
за «русский свинья». Впрочем, ему
объяснили, что извиняются за дра-
ку, а перед Васей за него извинятся
потом, когда он отбудет срок нака-
зания. С тем немцы и отбыли на ро-
дину.

По возвращении домой Васю
ждал щедро накрытый стол и мол-
чаливая тётца. Опрокинув рюмку ко-
ньяка, она только и сказала:

– Молодец, зятёк! Пусть знают,
что нас обижать нельзя!

Она укатила домой на следующий
день. В этот же день позвонили из
отдела кадров завода и известили
Васю о том, что он уволен. И тогда
он запил...

Васяпил уже трое суток и не знал
пока о том, что почти сразу после
его увольнения в дирекцию завода
пришла телефонограмма о том, что
Василия и его бригаду приглашают
в Германию на стажировку «в целях
укрепления дружбы между нашими
странами и дальнейшего сотрудни-
чества»...

Другая реальность

Светлана Миронова,
п. Пено

Внимание: конкурс!

Вася пил уже три дня... Он не был алкоголиком, но иногда употреблял, особенно если жизнь испытывала его на прочность.

После нового года его теща, Валентина Петровна, объявила зятю, что решила «ещё немного погостить». Она была настоящей крысой, причём не только по гороскопу.

И с этим символом наступившего две тысячи двадцатого Василию предстояло как-то сосуществовать в общей двухкомнатной норе неизвестное количество времени.

Это дикие крысы жизнеспособны от полутора до трёх лет в зависимости от питания и окружающих условий, а «крысы» по гороскопу в домашних условиях могут существовать гораздо дольше. Тем более, что питанием и сносными бытовыми удобствами Бог семейство Василия не обидел.

Раньше теща периодически воспитывала своего внука Антошку, Васиного сына, но тот давно вырос и уехал учиться в столицу, поэтому теща снова переключилась на воспитание зятя, которого, как она выразилась, «взяли в семью без гроша в кармане, без царя в голове», и только благодаря её героическим усилиям да помощи покойного тестя из Васи получилось «некое подобие хомосапиенса»...

«Стратегический запас», спрятан-

стр. 6

ный Васей в «бродники» для рыбалки, хранившиеся в кладовой, был обнаружен проворной тещей довольно быстро.

Слава Богу, нашествие Валентины Петровны завершилось уже через неделю, как раз к Рождеству. Недовоспитанного Васю спасло чудо: у тещи приболела оставленная на подругу кошка. Причём жена Василия, Людмила, решила отбыть вместе со своей мамой в соседний район на ближайшие пару дней.

Никогда ещё Василий так не благодарил Господа за Его милость, как в день отъезда Валентины Петровны и её дочери! Не выпить по этому поводу казалось ему настоящим грехом. И Вася устроил торжественные проводы драгоценной родни.

Ради такого дела в ближайшем супермаркете им были приобретены три бутылочки «святой воды» кашинского ликёроводочного завода с поэтичным названием «Вереск». На закуску – баночка маринованных огурчиков, батончик ароматной колбаски, буханка хлеба и пара коробочек куриных яиц для сооружения быстрой «холостяцкой» яишенки. А в качестве праздничного гостя был приглашён ближайший душевный сосед Лёха. Первым делом выпили: «За освобождение!» Вторым был тост: «За отъезд!». И понеслось!

Не знал бедный Вася, что вскоре после тещино отъезда разгуляется по миру ужасный вирус, спасаться от которого придётся строгой самоизоляцией и тотальной дезинфекцией, а по телевизору каждый день будут показывать новости, напоминающие фронтовые сводки, расширяющиеся и без того шаткую Василину психику, вызывающие одно лишь желание: напиться и уйти в другую, приятную реальность – туда, где нет запретов на дружеские рукопожатия и выход из дома без масок и перчаток. В реальность с посиделками во дворе, компанейскими днями рождения, выездами на шашлыки и походами на такую, казалось бы, надоевшую работу в торговый мебельный центр, где Вася оббивал различными материалами удобные диваны – такие же, как те, на которых огромному числу россиян предстояло провести, как минимум, ближайшие пару месяцев в обнимку с любимыми жёнами...

Но это уже совсем другая история. И новый тост: «За самоизоляцию!».

Вереск
содружество литераторов

* * *

Вьюги разносят на сахарно-снежных устах
Тихий напев колдовской
колыбельной Марены,
Будто корабль, безнадежно
затёртый во льдах,
Дом, погребённый в сугробах, не
выйдет из крена.
Дремлет хозяин под толстым
тулупом до пят,
Словно оживший в тепле
ископаемый мамонт,

Чуть уловимо в сених половицы
скрипят,
Корчатся в печке обрывки
березовых грамот,
Жмутся по лавкам скелеты
плетёных корзин,
Травы сушёные под потолком
разметало.
Копятся в теле морозы всех
прожитых зим,
Как ядовитые соли тяжелых
металлов -
Хоть помирай, за деревней в
землицу ложись,
Самое время примерить места на
погосте,
Но... есть нюанс – он влюблён до
безумия в жизнь.
Кажется, это взаимно.
Ему девяносто.

Екатерина Позднякова,
Тверь

* * *

Кто-то проскочил города и страны,
Кто-то видел мир, сидя под
ольхой...
Можно деньгами набивать
карманы,
Можно жизнь – рифмованной
чепухой.
На любом пути у развилки – камень.
Повернуть куда от своей тоски,
Если в прошлом встретят тебя
штыками,
Современность примет тебя в
штыки?
Пятый угол ищут везде поэты:
И в своём доме, как в чужих домах...
С головой накрыло сырое лето –
Пахнет мёртвой тиной и на холмах.
Тучи в небо ласточек не пропустят,
Не распустят крылышки мотыльки.
Если мало радости – хватит грусти
Для твоей бессонницы и строки.

Василий Рысенков,
Торжок

ТАМ ЖИЛА ЛЮБОВЬ

Наталья Шабанова,
г. Андреаполь

Эту трогательную сцену мне довелось подсмотреть в театре по окончании спектакля «Старосветские помещики» по Гоголю.

Всё, что происходило на сцене с героями Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной, казалось наивным и ироничным, вызывало у публики смех и нескрываемую улыбку.

Концовка спектакля оказалась более серьёзной и печальной: беспечная жизнь престарелой пары закончилась трагично. Афанасий Иванович не смог пережить смерть жены. С её уходом он зачах, истосковался и в скором времени тоже покинул этот мир. Его последними словами была короткая фраза: «Пульхерия Ивановна зовёт меня!»

Негромко обсуждая действо и игру актёров, зрители неспешно двигались в сторону вешалки. В этот момент мой взгляд упал на мужчину преклонного возраста, ко-

торый сидел на краешке скамьи и, казалось, кого-то ждал. На вид ему можно было дать лет 78-80. Аккуратный, ухоженный, с красивыми чертами лица, особенно выразительными глазами, он не казался старым, всё в нём выдавало интеллигентного жизнелюбивого человека.

Я с интересом продолжала любоваться этим мужчиной, когда к нему подошла немолодая, возможно, лет на 5 младше, женщина, и принесла его верхнюю одежду.

Она выглядела прекрасно. Её лицо сияло приветливой улыбкой. Короткая стрижка и брючки придавали ей молодости и шарма. Было в ней что-то такое, что приковывало и удерживало взгляд.

Всё, что происходило потом, выглядело так, будто бы она собирает ребёнка в детский садик. Приподнявшись на цыпочки, она накинула на мужчину пальто, поправила воротничок, проверила, удобно ли повязан шарфик, и при этом она всё время поглаживала его щёки, целовала в носик, заглядывала в глаза, отряхивала невидимые соринки с одежды и постоянно улыбалась. Он с умилением смотрел на неё и что-то тихонько говорил. Это было так трогательно!

Возможно, этот мужчина не мог активно двигаться и был физически нездоров, но морально он был радостен, лицо его светилось счастьем.

В этой милой сцене я уловила некую аналогию со спектаклем. В тот момент мне подумалось, как же тонко подметил Гоголь сущность человеческой привязанности и любви, и уход, когда он неизбежен и так трагичен. А эта сцена в фойе – живой пример нерастраченных чувств и взаимной нежности – такой верный и необходимый барометр любви.

Прагматическое

Даже в безделье должен быть толк.
Ежели, спину матрася,
ты день-деньской плюёшь
в потолок –
то хоть доплюнуть старайся!..

Человеческое

Не обрекай себя в калеки.
Брось костыли, пройдишь легко!
Нет Бога, кроме Человека,
и Разум лишь – пророк Его.

Владимир Юринов,
Андреаполь

Девятый час, сереет за окном,
И в спальне обозначились
предметы.
Ещё объаты теплым полусном,
Слегка светлеют лица на портретах.

Тревожно заметались по углам
Пугливые остатки сновидений.
Они лишь тень желаний, грешный
хлам,
Всплывающий ночами, гибель – день
им.

И мысли обо всем и ни о чём
В тиши неспешно населят орбиту
И прошлым, и возможным... Вдруг
прочтём,
Как срок прожить, что где-то нам
отсчитан.

Маргарита Петрова
Андреаполь

Зимним вечером в лунном сиянии,
Как в серебряном сказочном сне,
Я спешила к тебе на свидание,
А ты ждал и мечтал обо мне.

Мне хотелось с тобой целоваться...
После долго молчать у дверей
И смотреть, как снежинки кружатся
В ярком свете ночных фонарей.

Замело и следы, и тропинки,
Где мы шли... И тебя нет давно...
Только каждую зиму снежинки
От тебя шлют привет всё равно.

Раиса Земскова,
Нелидово

Время унося, дни идут гуськом,
Нагрузив себя самым дорогим.
В детстве по траве бегал босиком,
А теперь бреду, словно стал другим.

Было... А теперь дымом вьётся муть –
Сказочной страны белое пятно.
Было... А сейчас просишь:
«Позабудь» –
Будто бы уже всё исключено.

Верю, что потом из моих стихов
Жаворонок вдруг прилетит, звеня...
Яблоневый сад в жемчуге цветов –
Где-то далеко, там, где нет меня.

Осыпает ночь ворохом комет
Покрывала ткань, сшитого из снов.
Я твоим теплом навсегда согрет –
Пламенем в глазах скрытых огоньков.

Иван Кирпичёв,
Нелидово

* * *

...Где-то там без меня засыпает
Твоё Полуночье.
Запах снов этой ночью березов,
соснов и ольхов.
Отчего-то сегодня к тебе так
особенно хочется –
До глубин, до смятения,
до обнаженных стихов.
Золотая пора над руинами лета
бессильного,
Травный шелест примят
наступленьем осенних примет...
Мне б дожить до утра, до
дрожащего сердца мобильного,
До звучащего в нем
долгожданного слова: «Привет!».

*Игорь Столяров,
Нелидово*

Я ПАДАЮ

В тебя я падаю, как в пропасть,
забыв про страх, закрыв глаза.
Стыда оторванная лопасть
сверкнула, словно стрекоза

и, отлетев, перевернулась,
а в горле ком и в теле дрожь.
Неосторожно я споткнулась
об улицу, где ты живешь.

Об этот взгляд, об эти руки,
о недоверчивость твою.
Какие трепетные муки –
терпеть зависимость свою.

Но я себя благословляю
на восхитительный каприз
и все-таки еще летаю,
Хотя лечу не вверх, а вниз.

*Татьяна Тюрина,
Тверь*

* * *

Если я тебя тотчас не приласкаю,
У меня засохнет сердце. Схватит
с краю,
Как листок сухой, его бродячий
ветер
И оставит бессердечной жить на
свете,

В полусне от равнодушной
нудной лени.
Не разбудит и дыхание сирени.
И зятанут слух туманы белой
ватой.
В этом будешь ты, мой милый,
виноватый.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

* * *

Ты думаешь, что я тебя люблю.
Ты думаешь, что я не
изменился...
А мне смешно, лишь грусть не
утолю.
А мне смешно, что на тебя
молился.
Теперь, когда обрел покой,
Теперь, когда я не краснею,
Перед собой не вижу больше
той,
Что не любить я все еще не
смею.

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

МЕЖДУ ДВУХ «ЛЮБЛЮ»

Что-то разгулялись нынче
ветры,
В шуме леса слышится прибой.
Между двух «люблю»
не километры.
Мы ещё не поняли с тобой?
Между двух люблю обиды
грузом,
И пустых догадок горький яд,
Потому нас, как машину юзом,
Всякий раз заносит, и летят
Гневные слова – шальные камни.
Как же не отсохнут языки?!
Бьются ветры в запертые
ставни:
«Что же вы творите, дураки?».

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

* * *

Облака – как миражи
нам невидимого мира.
Нити тонкого эфира

их сливают в витражи
в синем храме небосвода.
Средь небесного елея,
то алея, то белея,
тихо ходят год от года
вечно спутники скитаний,
ветром по небу гонимы,
то видны, то невидимы
в мире встреч и расставаний.

*Василий Васильев,
Рамешки*

* * *

Рождалась музыка во мне.
Неярким светом
Мерцали звёзды в вышине,
Их месяц пас.
Я, увлечённая
Божественным сонетом,
Была счастливой и влюблённой
в этот час.

*Наталья Шабанова,
Андреаполь*

* * *

На стволы накинута май
Малахитовый халат.
Кто влюбился невзначай,
В этом тот не виноват.

Снова соловей запел –
Он в который раз влюблен.
У Амура много стрел –
На охоту вышел он.

Сердце просто проколоть –
Слишком тонкая броня.
Пробивают стрелы плоть.
Полюбила ты меня.

Дождь. Кривые струйки строк –
Словно письма на окне.
Виноват Амур-стрелок,
Что душа твоя в огне.

Раздувает май пожар –
Травяной весенний пал.
Все в огне любовных чар.
И в меня Амур попал.

*Иван Кирпичев,
Нелидово*